

Висящие вверх ногами духи ответили:

— Генерал.

— Молодой генерал.

— Говорят, он умер под божественной рощей.

— Но почему нефритовая статуя сдвинулась с места?

— Это из-за тех двух ударов меча?

— Должно быть...

Один за другим духи поворачивались и смотрели на Сяо Фусюаня, высвободившего свой меч, и лица их были полны подозрений.

Только У Синсюэ, услышав слова «умер под божественной рощей» пошевелил пальцами. Странно, но в этот момент в его сердце возникло неприятное чувство, словно он когда-то видел, как этот человек «умер под божественной рощей».

Оцепенев на мгновение, он подсознательно потянулся к нефритовой статуэтке.

Духи в испуге побледнели и бросились кричать:

— К этой статуе нельзя прикасаться!

— Её вырезала сама божественная роща, нельзя её осквернять...

— Кроме неё самой, любой, кто прикоснётся к ней, встретится с...

Не успело слово «беда» прозвучать, как все разом настороженно замолчали.

Ведь они видели, как У Синсюэ схватил нефрит, но ничего не произошло. Только по храму пронёсся лёгкий ветерок, словно что-то в нефритовой статуе мгновенно проснулось.

Сяо Фусюань схватил У Синсюэ за запястье. Увидев, как слегка дрожат ресницы собеседника, он спросил:

— Что-то случилось?

Через некоторое время У Синсюэ произнёс:

— Нет.

Ничего.

Просто в тот момент, когда он взял в руки нефритовую статуэтку, он почувствовал, как по кончикам его пальцев пронёсся след духовной энергии и влился в его тело.

Словно маленькая частичка духа, которую он когда-то оставил в нефритовой статуе, теперь наконец-то нашла дорогу обратно.

Как только энергия влилась в кончики его пальцев, он вспомнил несколько событий.

Божественную рощу, генерала Бая.

Давным-давно, ещё до появления Линьтая, на горе Лохуатай росло дерево, простиравшееся от небес до самой земли, его ветви были такими пышными, что казались облаками в небе. Циклы жизни и смерти в царстве смертных хранились на этом гигантском дереве.

Каждый раз, когда на свет появлялась новая жизнь, дерево прорастало и распускало бутон. И каждый раз, когда кто-то покидал этот смертный мир, с дерева падал цветок.

Обычные люди не могли этого видеть. Только новорожденные или те, кто близок к смерти, могли увидеть дерево.

Те, кто столкнулся со смертью, но сумел спастись, по возвращении рассказывали, что видели божественную рощу прямо на горе Лохуатай. Со временем о божественной роще поползли самые разные слухи.

Ходили слухи, что божественное дерево наполовину засохло и наполовину расцвело — самая крона её расцвела цветами, так что издали она казалась облаком на фоне заходящего солнца. Но под кроной, в глубине ветвей, постоянно осыпались цветы. Неважно, осень или весна, утро или ночь, это никогда не прекращалось.

Опавшие лепестки могли покрыть все десятки километров горного хребта. Плавая в горных потоках, они отражались в воде, окрашивая её в вишнёво-красный цвет. Поэтому Лохуатай

славился великолепным видом, известным во всём мире, и назывался он «чистые ручьи в горах, пунцовые потоки на полях».

В этом великолепном зрелище заключалась вся жизнь и смерть смертного царства, и в нём находилась жизнь каждого человека в мире.

Слухи распространялись всё активнее, и люди стали возводить на горе Лохуатай храм, чтобы поклоняться гигантскому дереву, которое обычные люди не могли видеть.

Всё, что связано с жизнью и смертью, было особенно интересно для толпы. На какое-то время этот храм стал самым оживлённым местом в мире. Множество людей переступали порог храма, чтобы просить там о самых разных вещах.

В то время эти мольбы в основном касались жизни и смерти — молились о новой жизни, о выздоровлении после тяжёлой болезни, о мире и безопасности или о долгой жизни без забот.

Позже всё стало ещё более запутанным. Дошло до того, что в течение довольно долгого времени люди молились у любого дерева.

Ходили слухи, что божественное дерево слышало так много радостей, печалей и желаний смертных, что у неё постепенно появилась человеческая сторона. Со временем слухи о божественной роще обросли несколькими деталями.

Те, кому довелось увидеть божественное дерево, рассказывали, что видели среди густой зелёной листвы некий фантом, словно кто-то, подперев ветку, сидел среди цветов, опустив взгляд на всё более и более оживлённую гору Лохуатай.

Из-за связи с божественной рощей вдоль гор строилось всё больше и больше сооружений, и на третий месяц сюда стали стекаться толпы людей с севера на юг, постепенно формируя зарождающийся горный рынок.

Но в мире существует нелюбимый всеми, но в конечном счёте пророческий принцип, известный как «хорошие времена долго не длятся».

Даже божественное дерево не сумело избежать этой поговорки.

Поначалу люди, слышавшие о божественном дереве, только молились ему. Но позже некоторые люди стали невыразимо жадными и начали вынашивать дурные намерения.

Поскольку божественное дерево заключало в себе циклы жизни и смерти, и время, которое течёт вперёд, то... Что, если бы они нашли способ позаимствовать часть силы божественного дерева?

Может ли оно призывать людей из мёртвых или возвращать ушедшие годы?

Эта теория затронула сердечные струны многих людей, и в их сердцах зародилось желание. Божественное дерево больше не могло существовать так, как раньше, когда оно давала только защиту и стабильность.

Эти недобросовестные люди привели к большим неприятностям: кто-то погиб из-за божественного дерева, а кто-то стал причиной гибели других людей...

Эти беды переросли в кармические тяготы, и все они были связаны с божественным деревом.

Ходили слухи, что, поскольку божественное дерево породило человеческую сторону, которая также была обременена этими кармическими тяготами, даже она не смогла избежать предписания смертного царства — её дни были сочтены.

В тот год, когда божественное дерево встретилось с бедствием, в мире смертных тоже было не всё гладко. Войны вспыхивали повсюду.

В то время ещё не было городов с названиями Ланьчжоу, Мэн и тому подобными. Государственные границы повсюду охватил хаос.

Небольшой народ собрался на юго-западе, где огонь войны полыхал наиболее яростно. Равнины, окрашенные в багровый цвет на сотни километров, тела, разбросанные повсюду... всё это было обычным зрелищем. Позже даже десятилетние дети брали в руки оружие и выходили на поле боя.

Однажды, осенней ночью того года, когда светила полная луна, на юго-западе развернулась печальная картина.

С одной стороны, на пока ещё безымянной пустыне Цзямин шли бои в самом разгаре. На просторах пустыни полыхали языки пламени. Запах палёной плоти и жалобное ржание лошадей разносились ночным бризом на огромное расстояние.

С другой стороны горы Лохуатай гремел гром, а с девятого неба, словно непроницаемая сеть, падали молнии, нанося удар за ударом по божественному дереву.

С окраины полей к божественному дереву направлялся юноша, залитый кровью...

На вид ему было лет семнадцать-восемнадцать, в его лице чувствовалась хрупкая юность, но всё это скрывала холодная, как железо, и злобная энергия ци его тяжелораненого тела. Рост у него, должно быть, был довольно высокий, но из-за истощения жизненных сил и ран на теле он не мог стоять прямо.

Судя по его виду, он был тяжело ранен в бою.

В одной руке у него был меч, а на спине — окровавленный сверток ткани.

Когда он пересекал долину, то споткнулся, но продолжал держать в руке меч, а окровавленный сверток на спине сместился. Из него высунулась пара тощих рук, покрытых ранами и шрамами. Опытный человек, глядя издали, сразу бы понял — это худенький ребёнок, который уже умер.

За эти два года на окраинах полей сражений постоянно попадались такие дети. Разбитые дома, погибшие родители, некому присмотреть за ними — их либо заберут, либо они умрут от голода.

Даже если они умирали от голода, смерть их не была спокойной: их расчленили и пожирала дикие звери, существа инь или другие оголодавшие люди, и в итоге от них не оставалось даже целого скелета. Тех, кто умирал подобным образом, но оставался целым, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Когда юноша проходил под божественным деревом, небесный гром на мгновение прервался. На всей горе Лохуатай воцарилось недолгое спокойствие.

По слухам, обычные люди не могли увидеть божественное дерево, поэтому прибывшие в Лохуатай обычно направлялись прямо в храм и не смотрели вверх в попытках найти это гигантское невидимое дерево.

Но юноша не пошел в сторону храма. Опираясь на меч, он встал под деревом, сглотнул кровь, выступившую на губах, и посмотрел вверх.

Его лицо от природы было очень красивым. Если бы он смыл с себя всю эту кровь и убийственное намерение, то превратился бы в бравого молодого парня, холодного и белого, словно нефрит. Как жаль, что у него уже никогда не будет такой возможности.

Потому что, сглотнув кровь, он прошептал хриплым голосом:

— Я тебя вижу...

<http://bllate.org/book/12946/1136671>